

УДК 94(470)+322(172.3)

*В.С. Воронцов, С.И. Ильинский, Ю.В. Семенов***ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УДМУРТИИ***

Рассмотрено конфессиональное пространство Удмуртии в постсоветский период, показана роль религиозного фактора в общественной и культурной жизни, уровень и типология религиозности жителей республики.

Ключевые слова: религия, конфессиональное пространство, Русская православная Церковь, ислам, новые религиозные движения, идентификация.

После распада СССР Удмуртия, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические трансформации, которые затронули и религиозную сферу, оказали существенное влияние на систему взаимоотношений «личность-общество-государство». Это проявилось в строительстве новых и восстановлении старых культовых зданий, в значительном увеличении числа верующих, в появлении нетрадиционных для региона религиозных организаций, групп и деноминаций, исторически не укорененных, но активно претендующих на лидерство в духовной сфере, в значительном усилении роли религиозного фактора в общественно-политической жизни. Все эти факторы привели к тому, что религиозная жизнь в стране и республике развивалась достаточно противоречиво.

Активизируя свою деятельность, религиозные объединения стремились распространить свое влияние на все сферы общественной жизни, что вызывало и вызывает неоднозначную реакцию со стороны общества и государства, усиливает конкуренцию между конфессиями. Особой активностью в 1990-е гг. отличались так называемые новые религиозные движения, как правило, зарубежные («новопротестантские» организации, группы личностного роста, движение саентологов и др.), однако в силу ряда причин их потенциал постепенно стал ослабевать. В настоящее время лидерами конфессионального пространства страны являются две традиционные для России конфессии – православие и ислам.

Русская православная церковь (РПЦ) – крупнейшее религиозное объединение на территории России. По данным, приведённым Патриархом Кириллом на Архиерейском совещании (2 февраля 2010 г.), в РПЦ было 160 епархий, 207 правящих и викарных епископов, 30142 прихода, 788 монастырей (386 мужских и 402 женских), 28434 священника, 3625 диаконов. В РПЦ функционируют Общецерковная аспирантура и докторантура, 5 духовных академий, 3 православных университета, 2 богословских института, 38 духовных семинарий, 39 духовных училищ, 87 духовных школ; при нескольких академиях и семинариях имеются регентские и иконописные школы. В 2008–2009 учебном году преподавание курсов по изучению православной культуры в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях в рамках регионального компонента велось в 54 из 71 епархий, находящихся на территории Российской Федерации. Наиболее распространенная форма проведения занятий – факультатив (это без учета начавшегося с 1 апреля 2010 г. эксперимента по преподаванию в школах 19 регионов страны учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»). Слушателями курсов духовно-нравственной направленности являются более 700 тыс. школьников, преподавание ведется в более чем 8400 школах регионов России. В 2010 г. в воинских соединениях Российской армии предполагается введение должностей помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. В 2009 г. это нововведение уже коснулось зарубежных баз Российской армии. Так, с 1 декабря 2009 г. введены штатные должности 13 помощников командиров по работе с верующими, все эти должности заняли священнослужители Русской православной церкви¹.

Лидирующее положение РПЦ подтверждают и материалы социологических служб. По данным социологического опроса (январь 2010 г.), проведенного сотрудниками Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), более 80% жителей России верят в Бога или являются последователями религиозного мировоззрения. Из них 75% являются приверженцами православия, 5% – ислама, остальные являются адептами католицизма (1%), буддизма (1%), иудаизма (менее 1%) и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №10-01-80104а/У, руководитель проекта Ю.В. Семенов.

протестантизма (менее 1%), еще 3% респондентов считают себя просто верующими людьми. Социологи отмечают также существенное сокращение неверующих респондентов, по сравнению с 2006 г. их доля сократилась с 16% до 8%².

Российская Федерация – мультиэтническая и поликонфессиональная страна, и процесс «религиозного возрождения» проходил параллельно с ростом самосознания этнических групп, поэтому актуализировался вопрос о восстановлении этноконфессиональной идентичности граждан и религиозном выборе многочисленных национальных движений. Опыт прошедших десятилетий также показал, что недооценка органами власти роли религиозного фактора, запоздалое реагирование на этнические и конфессиональные противоречия приводят к росту напряженности и в конечном итоге к открытым конфликтам.

В настоящее время назрела настоятельная необходимость в комплексном междисциплинарном исследовании современного конфессионального пространства Удмуртии, в выявлении особенностей его формирования, специфики взаимодействия государственных органов и религиозных организаций, конфессиональной идентификации населения республики. В настоящей статье авторы попытались, пока еще в первом приближении, ответить на вышеназванные вопросы.

I. Формирование конфессионального пространства Удмуртии на рубеже столетий

Конфессиональное пространство Удмуртской Республики за первые десятилетия постсоветского периода (1991–2010 гг.) претерпело значительные изменения, обусловленные различными факторами внешнего и внутреннего характера: особенностями глобальных социально-политических и экономических трансформаций общероссийского масштаба, бурными процессами в религиозной сфере, в развитии государственно-конфессиональных и этнокультурных отношений. Что же произошло за это время в Удмуртии? Учитывая широкий диапазон вопросов, непосредственно касающихся указанной тематики, имеет смысл первоначально остановиться на анализе общих тенденций развития конфессионального пространства региона.

На начало 2010 г. в республике действовало более 300 религиозных объединений, из которых 225 имели статус юридического лица. Лидерами религиозного «рейтинга» традиционно являются: православие – 134 организации или 59,6% от общего количества всех зарегистрированных объединений (1991 г. – 57), протестантизм – 68 или 30,2% (1991 г. – 4) и ислам – 19 или 8,4% (1991 г. – 1). Динамика процесса государственной регистрации религиозных объединений за 1991–2010 гг. реально подтверждает данную ситуацию. Именно эти религиозные объединения определяют особенности развития религиозной жизни и конфессионального пространства региона.

Анализ развития конфессионального пространства целесообразно провести исходя из принципа «традиционности» (исторической укорененности) различных религиозных направлений и сообществ верующих на территории региона.

1. Конфессии и религиозные объединения, действовавшие до 1990 г.

К началу «перестройки», несмотря на жесткую государственно-конфессиональную политику органов власти, основы конфессионального пространства Удмуртии были уже сформированы. К концу 1987 г. в УАССР было зарегистрировано 36 религиозных объединений. Православное христианство тогда представляли общины Русской православной церкви (Московский Патриархат) и старообрядчество различных направлений. За период своего возрождения (с 1988 г.) *Ижевская и Удмуртская епархия РПЦ* усилили свои позиции за счет создания 6 епархиальных отделов, увеличения количества приходов с 18 в 1987 г. до 121 в 2009 г., организации 3 женских монастырей, увеличения численности штатного духовенства с 35 (1989 г.) до 157 (2009 г.). За этот же период количества храмов возросло с 18 (1990 г.) до 152 (2009 г.). Первенствующее положение в религиозной жизни республики для объединений РПЦ также определили высокий социально-политический статус Московского Патриархата, активное социальное партнерство (8 соглашений с министерствами и ведомствами, 1999–2010 гг.), лидерство в системе государственно-конфессиональных отношений, значительная часть населения, исповедующая православие.

Православное старообрядчество находится в почетном списке традиционных конфессий Удмуртии. Сегодня в республике действуют 16 старообрядческих объединений, из которых 7 имеют статус юридического лица (в 1991 г. – 1), в том числе 5 религиозных организаций Русской православной старообрядческой Церкви (Казанско-Вятская епархия) и 2 общины Древлеправославной Поморской церкви. Богослужения проводятся в 2 храмах и 3 молитвенных домах. Наиболее активны общины РПСЦ, имеющие двух священнослужителей, 2 храма и несколько молитвенных домов. Старообрядцы Удмур-

тии вполне самостоятельны, они не особо рассчитывают на официальную поддержку властей, для которых старообрядчество все-таки остается «православием под №2». Идет активное общение староверов края со своими единоверцами в других регионах, а также с некоторыми священниками РПЦ. Но на официальном уровне никаких контактов с Ижевской епархией РПЦ не происходит.

Протестантизм в Удмуртии на 1990 г. представляли 15 религиозных общин, из которых 9 имели статус юридического лица. Конфессиональный спектр составляли евангельские христиане, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), сторонники Совета церквей ЕХБ, адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской-пятидесятники (ХВЕП), евангельские христиане в духе апостолов и Свидетели Иеговы. За 1991–2009 гг. количество протестантских религиозных организаций возросло с 4 до 68. Среди прочих деноминаций наиболее активными и многочисленными являются объединения ХВЕП.

Ислам является второй по значимости (после православного христианства) религией Удмуртии. Основная масса последователей ислама в республике (татары, башкиры) – это мусульмане суннитского направления ханифитской религиозно-юридической школы (мазхаба). Сегодня в Удмуртии 26 мусульманских религиозных объединений, из которых 19 имеют государственную регистрацию (в 1990 г. – 8): это Региональное духовное управление мусульман Удмуртии (Ижевский муфтият) в структуре Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России и 18 местных общин.

Язычество как система традиционных верований удмуртов до 1990 г. активно практиковалось в Алнашском районе (д. Кузебаево). А в конце 1980-х гг. в Удмуртии появились первые последователи вайшнаизма – будущего Общества сознания Кришны. Это было началом внедрения в региональное конфессиональное пространство новых религиозных движений.

2. Конфессии и религиозные объединения, возрожденные в постсоветский период

За годы Советской власти в Удмуртии были фактически ликвидированы общины лютеран, католиков, иудеев, имеющие свои исторические корни. После распада СССР, в период религиозного и этноконфессионального подъема начался процесс так называемого духовного возрождения. В 1993 г. была зарегистрирована первая община *Евангелическо-лютеранской церкви* в Удмуртии – «Единая Церковь Христа» г.Ижевска (с 1997 г. – «Евангелическая церковь Христа Спасителя»). С начала 1990-х гг. местные католики (выходцы с Западной Украины и Западной Белоруссии) установили контакты с единоверцами в г. Перми, откуда в г. Ижевск приезжал настоятель костела Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. Религиозные объединения Римско-католической церкви в республике официальной регистрации сегодня не имеют.

Возрождение *иудаизма* в этнокультурном аспекте началось с создания Общинного центра еврейской культуры Удмуртии (ОЦЕК УР). В 2000 г. статус юридического лица обрела Еврейская община «Магендавид» («Щит Давида») в юрисдикции Федерации еврейских общин России (ФЕОР). В 2001 г. ОЦЕК УР инициировал создание альтернативной структуры – Еврейского религиозного общества г. Ижевска «Алия» («Восхождение») в составе Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР). Община «Магендавид» была ослаблена внутренними конфликтами и в 2009 г. утратила статус юридического лица. Иудейские организации Удмуртии не имеют своей синагоги. Община «Алия», фактически являясь структурным подразделением ОЦЕК УР, шаббаты и этноконфессиональные праздники проводит в его офисе.

В период «перестройки» также возобновились активные моления язычников-удмуртов в сельской местности (Алнашский, Киясовский, Малопургинский, Граховский районы), где сохранились дохристианские традиции и святилища.

3. Конфессии и религиозные объединения, возникшие в постсоветский период

Новым явлением религиозной жизни стало создание в 1995 г. на территории Удмуртии структур *Российской православной свободной (сейчас автономной) церкви* – общин Воткинского благочиния Суздальской епархии РПАЦ. Их появление было связано с конфликтом между приходом Пантелеимоновского храма г. Воткинска и руководством Ижевской епархии РПЦ. Сегодня в республике действуют 3 религиозные организации РПАЦ, имеющие храм целителя и чудотворца Пантелеимона (г. Воткинск). Большой активности эти объединения не проявляют.

В начале 1990-х гг. последователи *Русской православной церкви за границей* стали создавать свои структуры на «канонической территории» Московского Патриархата – в России. Это привело к тому, что 13 февраля 2004 г. священник Георгий Пескишев (п. Ува) указом архиепископа Ижевского и Удмуртского Николая был запрещен в служении «за самовольное оставление служения и переход в Катакомбную церковь». Через некоторое время он основал в с. Селты приход храма Святого Иосифа

Петроградского РПЦЗ и благодаря поддержке спонсоров стал возводить церковное здание. Деятельность прихода в республике практически незаметна.

По причине конфликта с руководством *Евангелическо-лютеранской церкви* Европейской части России община Евангелической церкви Христа Спасителя г. Ижевска вышла из-под ее юрисдикции и стала одним из учредителей нового лютеранского центра – *Евангелическо-лютеранской церкви Аугсбургского исповедания* (2007 г.). Но в основном протестантский сектор конфессионального пространства Удмуртии пополнялся за счет деятельности приезжих миссионеров. Финские проповедники *Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии* основали в Вавожском районе Удмуртско-русский приход Святого Петра (д. Гурезь-Пудга, 2001 г.).

С миссионерской волной начала 1990-х гг. стали активно создаваться объединения «неопятидесятников» (церквей харизматического толка), которые вначале именовались «*церквями полного Евангелия*», а после перерегистрации в соответствии с новым ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) уже значились в государственном реестре как «христиане веры евангельской» или «евангельские христиане», сохраняя свой харизматический дух. Тогда же стали появляться объединения категории «*маргинального протестантизма*»: общины «*Воткинской Церкви Христовой*» (г. Воткинск, 1994 г.), *Новоапостольской церкви* (г. Ижевск, 1999 г.), *Церкви Иисуса Христа святых последних дней (мормонов)* (г. Ижевск, 2003 г.).

Некоторые конфессии появились в Удмуртии благодаря инициативе национально-культурных объединений. Общество удмуртской культуры «Дэмен» и Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» способствовали появлению *языческой общины «Удмурт Вось»* (1994 г.), которая, однако, не выдержала испытания временем и была ликвидирована как юридическое лицо в 2008 г. Армянская общественная организация УР «Урарту», установив контакты с руководством Ново-Нахичеванской и Российской епархии *Армянской апостольской церкви* (г. Москва), добилась разрешения на возведение храмового комплекса в Ижевске. Азербайджанский общественный центр Удмуртии «Достлуг», проводя культурно-просветительскую работу в своей диаспоре, способствовал проведению молений для мусульман-шиитов.

Буддизм в Удмуртии никогда не имел массового распространения и был востребован лишь в кругах интеллигенции. В 1997 г. последователи Ламы Оле Нидала получили благословление на открытие в Ижевске Центра Карма Кагью. В 2005–2009 гг. в Удмуртском государственном университете приезжие проповедники читали лекции о буддизме. А в 2009 г. получила государственную регистрацию первая буддистская организация – Буддийский центр г.Ижевска буддизма Алмазного Пути школы Карма Кагью.

В первое постсоветское десятилетие в Удмуртии, как и в других регионах, появились *новые религиозные движения (НРД)* – разнообразные религиозные течения, не имеющие аналогов в традиционном конфессиональном пространстве. Их первоначальная активность сегодня пошла на спад. Фактически прекратили свою деятельность последователи *Веры Бахаи*, сторонники *Церкви Унификации (Муна)*, *Великого Белого Братства*. Недостаточно активно проявляют себя последователи учения *Л.Р. Хаббарда*. После массового исхода 1990-х гг. жителей Воткинска и Ижевска – последователей Виссариона в Красноярский край, местные общины *Церкви Последнего Завета* теперь ограничиваются летними поездками в Обитель Рассвета, а пропаганда вероучения в основном идет через культурные программы.

Наибольшую активность среди прочих объединений НРД проявляют *вайшнавцы*. Общество сознания Кришны г. Ижевска (зарегистрировано 28.06.1991 г.) проводит свои конфессиональные праздники в арендованном помещении, организует просветительские лекции с участием приезжих проповедников, ежегодный марафон по распространению книг Шрилы Прабхупады и газеты «Золотой век». С 2004 г. по согласованию с Администрацией г. Ижевска Общество сознания Кришны проводит на улицах столицы Удмуртии обряд воспевания святых имен бога («Харинама»). Культурологический аспект здесь имеет преобладающее значение, поэтому органы власти относятся к вайшнавам вполне лояльно.

Таким образом, за первое постсоветское десятилетие в Удмуртии, как и во всех регионах России, произошли существенные перемены в религиозной жизни и в структуре конфессионального пространства. Многообразный спектр религиозных объединений стал основой борьбы за лидерство в духовной сфере, за привлечение на свою сторону властей и общественности. Определяющее значение здесь, помимо внутренних процессов, имел внешний фактор – открытость нового Российского госу-

дарства для масштабного миссионерского «вторжения» извне. Именно «миссионерский бум» и породил дискуссию о «традиционных» (исторически укорененных, социально значимых) и «нетрадиционных» (чужеземных и чужеродных) религиозных объединениях. При всей своей политизированности данная проблематика имеет под собой реальную основу, вполне отражающую особенности общероссийского и регионального менталитета.

Ситуация в религиозной сфере менялась в соответствии с изменениями курса государственно-конфессиональных отношений и вероисповедной политики России. В период 1990–1997 г. (время реализации Закона РФ «О свободе вероисповеданий», наиболее либерального отечественного законодательного акта в данной сфере) был сделан искусственный уклон в сторону реализации «американской модели» – равенства всех конфессий без учета их исторической укорененности, что совершенно не соответствовало российским традициям. В это время «традиционные» конфессии (в первую очередь РПЦ) были заняты вопросами возвращения церковной собственности (ранее национализированных храмов), восстановления широкой культовой практики и возвращения в сферу социального служения. Тем же самым занимались и другие субъекты исторического конфессионального пространства – старообрядческие общины, мусульманские махаллы, объединения традиционного протестантизма. Если бы ситуация развивалась только в этом направлении, мы в итоге имели бы вполне естественное укрепление тех конфессий, которые уже имели «исторический стаж» на данной территории и воспринимались органами власти и общественностью как «свои», известные, понятные. При таком варианте развития иерархия приоритетов религиозной сферы и государственно-конфессиональных отношений была бы очевидна: безусловное первенство РПЦ, при весьма уважительном отношении к православному старообрядчеству, и затем – к традиционному протестантизму. Далее к этой схеме могли присоединиться «возрожденные» конфессии (из 2-й группы представленной выше классификации): иудаизм и национальное язычество (удмуртское, марийское). Затем к этому списку добавился бы буддизм, чей статус был подтвержден в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.). При таком развитии событий региональное конфессиональное пространство формировалось бы вполне естественно и предсказуемо.

Однако государственная политика России 1990-х гг. развивалась в ином направлении. К этому времени глобальное конфессиональное пространство, благодаря историческому опыту мировых религий и активной международной деятельности миссионеров, вполне сформировалось. Оставались лишь немногие территории, куда не проникало влияние зарубежных проповедников, и среди них самой востребованной была Россия – страна за «железным занавесом». После краха СССР бывшая закрытая территория стала открытой и доступной для политического, экономического и религиозного влияния. Одним из таких регионов была Удмуртия, где исторически господствовала оборонная промышленность и режим жесткой внутренней безопасности. С 1990 г. республика стала открытой для внешнего влияния. Выполняя программу глобальной евангелизации России, на Уральский регион были направлены проповедники из США, Канады, Швеции, Финляндии, представляющие миссии «Восток-Запад», «Урал-Сибирь», «Возможность», «Ко-Миссия» и др. В результате были созданы базовые церкви неопятидесятников («харизматов») «Дело Веры», «Филадельфия», «Ижевская христианская община», «Церковь Божья».

Для поддержки новых общин зарубежные центры устраивали праздники-шоу, семинары, конференции, способствовали созданию местных протестантских СМИ, пропаганде своей идеологии через ряд коммерческих телекомпаний («Альва», «Новый регион») и сайты в сети Интернет. На межрегиональной конференции в г. Ижевске (1995 г.) была поставлена задача завоевания протестантами традиционного пространства Волго-Уральского региона. К 2000 г. во всех городах и районных центрах Удмуртии были созданы протестантские общины, действовали централизованные объединения пятидесятников и баптистов. На территории республики, по всем социальным категориям и национальным группам населения развернулась весьма агрессивная миссионерская деятельность, которая отнюдь не способствовала повышению авторитета протестантов. Помимо того, что эта работа раздражала население и органы власти, имели место явные нарушения закона со стороны приезжих проповедников, которые не регистрировались в миграционной службе. Ответным шагом стало принятие Закона УР «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», который за свою короткую историю (1996–1997 гг.) пытался упорядочить религиозные процессы. Закон был безоговорочно поддержан духовенством РПЦ, которое, занимаясь хозяйственными проблемами, самостоятельно было не в силах противостоять конкурентам в борьбе за паству.

5 марта 1997 г. Закон «О миссионерской деятельности...» был фактически отменен, как нарушающий конституционные нормы, но победителей в этом противостоянии не было. Более того, прямая личная поддержка и активное финансирование местных протестантов со стороны Запада стало снижаться. Государство не приняло модель «протестантского возрождения» в условиях строительства капитализма в постсоветской России, а для населения (и особенно верующих) выбор в пользу «традиционных» конфессий был сделан еще раньше. Последней крупной акцией протестантских объединений Удмуртии стало участие в общероссийском социальном медиапроекте «Ощуди силу перемен» (2007 г.), которая также имела неоднозначную реакцию. С этого времени активность протестантов пошла на спад. Ситуацию усугубляли внутренние противоречия, которые привели к глубокому кризису в Церкви «Дело Веры», завершившемся установлением внешнего управления всеми делами Удмуртской епархии «Дело Веры» (ее возглавил епископ К.В. Бендас, г. Москва) и головной Церкви г. Ижевска (пастором стал В.В. Хайдуков, г. Пермь). В это же время утратил статус юридического лица Удмуртский Союз христиан веры евангельской-пятидесятников. Прекратились массовые миссионерские шоу в учреждениях культуры, работа общин стала более локальной и малозаметной.

Сложившаяся ситуация вполне устраивает лидеров традиционного конфессионального пространства. Ижевская и Удмуртская епархия РПЦ спокойно занимается культовой и социальной работой. Православные старообрядцы, также имеющие немалый авторитет, довольствуются своим почетным статусом одной из ведущих «традиционных» конфессий. Ислам, значительно уступая протестантизму по количеству зарегистрированных объединений, реально занимает второе место в конфессиональном пространстве в соответствии с исторической значимостью мусульманской религии и ее широкой социальной базой (татары, имеющие высокий уровень этноконфессиональной идентичности, на третьем месте после русских и удмуртов в национальном составе населения Удмуртии). Все остальные конфессии не оказывают существенного влияния на религиозную и культурную ситуацию в регионе, а тем более на социально-политическое положение республики. По этой схеме выстраивается региональная вероисповедная политика Удмуртской Республики и приоритеты государственно-конфессиональных отношений.

II. Уровень религиозности и конфессиональная идентификация населения Удмуртии

Каков уровень религиозности жителей Удмуртии, с какой конфессией они себя соотносят? Какова интенсивность их религиозных убеждений? Существует ли связь этнической и конфессиональной идентичностей? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить, опираясь на материалы представительных социологических опросов, осуществленных в республике в разные годы.

Следует отметить, что в 1990-е гг. социологические опросы, посвященные межэтнической и конфессиональной проблематике в республике проводились крайне редко. Поэтому достоверные данные об уровне религиозности жителей Удмуртии в первой половине 1990-х гг., к сожалению, отсутствуют. Первое подобное исследование было осуществлено только в 1997 г. сотрудниками Центра социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН. По данным социологического опроса, тогда к христианам отнесли себя 46% опрошенных жителей Удмуртии, к мусульманам – 1,2%, к другим конфессиям – 1,9%. Остальные респонденты были неверующими либо колебались в своем выборе³.

В 2002 г. в Удмуртии под руководством М.Н. Губогло и С.К. Смирновой было проведено более представительное этносоциологическое исследование по проекту «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных изменений» (опрошено 1019 человек). Еще одно массовое социологическое исследование в Удмуртии было проведено в 2007 г. силами сотрудников Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета⁴.

В качестве одной из основных анализируемых переменных религиозного блока исследований 2002 и 2007 гг. выступал «уровень религиозности» населения республики, поэтому его можно сравнить, посмотреть в динамике. При ответе на вопрос: «Ваше отношение к религии» респондент мог отнести себя к одной из шести групп (категорий) верующих либо неверующих (табл. 1).

По данным социологического опроса 2002 г., считали себя верующими 50,6% взрослого населения республики, к неверующим отнесли себя 37,1% опрошенных, 8,3% респондентов колебались между верой и неверием. К 2007 г. группа убежденных верующих практически не изменилась (+0,7%), однако почти на семь процентных пункта увеличилась группа верующих, не соблюдающих религиозные каноны, и на 2,1% увеличилась группа маргиналов. В то же время, группа неверующих снизилась на 5,9% и составила 31,2%, причем группа атеистов, считающих, что с религией нужно бо-

роться составила менее одного процента. В целом же доля верующих вместе с колеблющимися выросла до 68,3%, собственно рост уровня религиозности населения Удмуртии свидетельствует об идентичности протекающих в стране религиозных процессов.

Таблица 1

Уровень и типология религиозности населения Удмуртии
(по данным опросов 2002, 2007 гг., в %)

	2002 г.	2007 г.	Национальность		
			русские	удмурты	татары
Верующие, соблюдающие религиозные обряды	8,2	8,9	6,6	11,5	14,0
Верующие, не соблюдающие религиозные обряды	42,4	49,0	51,2	45,9	45,3
Колеблющиеся (маргиналы)	8,3	10,4	8,4	14,3	9,3
Неверующие, индифферентные к религии	12,0	10,6	11,3	10,7	5,8
Неверующие, лояльные к религии	23,6	19,8	21,0	16,5	25,6
Неверующие, активные атеисты	1,5	0,8	0,9	0,7	0
Затруднились ответить	4,0	0,5	0,6	0,4	0

В этнических группах самая большая доля убежденных верующих выявлена среди татар (14,0%), самая маленькая – среди русских (6,6%), удмурты занимают срединное положение (11,5%). Интересно, что среди татар оказалась самая маленькая доля индифферентно относящихся к религии (5,8%), а среди удмуртов самая большая доля колеблющихся респондентов (14,3%).

Значимые колебания в уровне религиозности выявлены среди городских и сельских жителей, в половозрастных группах, у респондентов с разным уровнем образования. Так, среди сельского населения верующих по-прежнему, больше, чем среди городского (62,4% и 56,0%), женщины более религиозны, нежели мужчины (66,7% и 47,6%). Доля убежденных верующих среди респондентов старше 60 лет составила 22,1%, тогда как среди 20–29-летних всего 6,4%. Вместе с тем среди 16–19-летних таковых оказалось уже 10,9%, при этом самая большая доля колеблющихся (17,7%) также зафиксирована среди самых молодых, что свидетельствует о несформированности, неустойчивости их убеждений. Уровень образования вносит еще более существенные коррективы, среди лиц с высшим образованием доля так называемых воцерковленных почти в 3 раза меньше, чем среди респондентов с незаконченным средним образованием (6,1% и 18,0%).

Как было отмечено выше, в 2007 г. отнесли себя к верующим около 58% опрошенных, еще 10,4% респондентов колебались между верой и неверием, то есть только часть из них идентифицировала себя с какой-то конфессией. Однако при анализе ответов на вопрос: «Если Вы верующий, то к какой религии себя относите?» оказалось, что на него ответило около 70% от всех опрошенных. Видимо, в нашем случае часть респондентов идентифицирует себя не столько с конфессией, сколько с культурно-историческим наследием православия, ислама и других религий.

Среди верующего и колеблющегося населения считали себя православными 86,1% респондентов, 8,6% – мусульманами, 0,1% – буддистами, 0,1% – иудеями, 1,9% – язычниками, 0,7% – христианами (другие направления христианства) и 2,5% отметили, что верят в Бога, но не разбираются в религиях. В ходе исследования не подтвердилась бытующая на уровне стереотипов мысль о том, что «если русские, то православные, если татары, то мусульмане, если удмурты, то язычники». Действительно, среди русских преобладает доля православных, а среди татар – мусульман, однако, перефразируя слова апостола Павла, для мировых религий «нет ни эллина, ни иудея...». Во-первых, около трети из всех опрошенных отнесли себя к неверующим, во-вторых, к православным, помимо русских, отнесли себя 64,3% удмуртов, 8,1% татар и 44,1% представителей других национальностей, а с исламом идентифицировали себя, кроме татар, 0,4% русских, 0,6% удмуртов и 20,6% представителей других национальностей.

Как уже отмечалось выше, религиозность жителей Удмуртии не обнаруживает высокой степени интенсивности. Это подтверждается тем, что основные обязанности, связанные с конфессиональ-

ной идентичностью (посещение храма, молитва и др.), не являются обязательными и исполняются лишь от случая к случаю. По данным социологического опроса 2007 г., каждую неделю посещали храм 6,7% из числа верующих, каждый день молились – 14,8%, обязательно хотели бы заключить брак по религиозному обряду – 16,5%.

Проявление религиозной идентичности в национальных группах распределилось следующим образом: каждую неделю посещали храм – 5,7% русских, 7,6% удмуртов и 7,8% татар; каждый день молились – 10,9% русских, 20,6% удмуртов и 23,5% татар; обязательно хотели бы заключить брак по религиозному обряду – 15,3% русских, 11,5% удмуртов; 45,1% татар. Интенсивность религиозности выше у татар, по сравнению с русскими и удмуртами, особенно в желании использовать религиозные традиции при заключении брака. Популярность церковного брака, видимо, во многом связана с красотой и торжественностью религиозного обряда, перед которым все еще сильно проигрывает процедура оформления гражданского брака.

Таким образом, можно констатировать многократный рост числа верующих в Удмуртии в постсоветский период. Однако у многих респондентов, признавших себя верующими, представления о вере не идет дальше поверхностного знания отдельных религиозных догм и обрядов. Религиозность без соблюдения обрядов и канонов – явление не новое в социологии религии. Так, зарубежные и российские исследователи отмечали, что доля лиц, регулярно молившихся и посещавших храмы, оказывается ниже доли тех, кто согласно опросам считает себя верующими⁵.

Вывод о преобладании манифестационной стороны дела в религиозности населения Удмуртии подтверждается и другими исследователями⁶. Один из последних примеров, свидетельствующих о низкой интенсивности религиозных практик верующих Удмуртии, зафиксирован милицейской статистикой. В ночь с 3 на 4 апреля 2010 г. в 89 православных храмах и молитвенных домах Ижевской и Удмуртской епархии Русской православной церкви Московского Патриархата проводились пасхальные богослужения, посвященные празднику Светлого Христова Воскресения – Пасхи Христовой. По информации правоохранительных структур Удмуртии в праздничных мероприятиях приняли участие около 13 тыс. верующих. После несложных подсчетов получается, что в пасхальных богослужениях приняли участие около 2% православных верующих Удмуртии.

В заключение отметим, что происходящие в российском обществе процессы крайне сложны и противоречивы: с одной стороны, наблюдается рост числа верующих, а с другой – в этой вере мало истинной религиозности. Попытки же искусственного насаждения религиозности, формирование «моды» на религию, доведенные до абсурда релятивизм и гедонизм, поощряемые «обществом потребления», «...могут создать тип человека, способного принять даже идею Бога без того, чтобы она его к чему-либо обязывала бы, потому что его ничто и ни к чему не обязывает и всякая заповедь, моральная или обрядовая, представляется его сознанию нестерпимо устарелой, наивной и навязчивой»⁷.

Вызывает опасения и наблюдаемая в последние годы политизация религиозной идентичности населения, которая может быть скорее деструктивным, чем конструктивным фактором, если само население не рассматривает рост религиозности как ценность, как часть обязательных текстов той культурной системы, по законам которой оно строит свою деятельность и повседневное поведение⁸.

Проблема заключается и в том, что пока еще не существует социальной теории, которая адекватно описывала и объясняла бы религиозные процессы в современной России и на которую можно было бы опереться при эмпирическом изучении данного явления. Тем важнее оказываются так называемые практики – анализ реальных ситуаций, результатов эмпирических исследований, проводимых в регионах России.

Анализ состояния конфессиональных отношений требует постоянного внимания, научной оценки и может быть достоверным только при условии проведения его квалифицированными кадрами. Именно эти «три кита» и положены в основу мониторинга конфессиональной ситуации в Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии создано научно-образовательное подразделение, которое в состоянии объединять и координировать междисциплинарные исследования, комплексно изучать конфессиональные отношения как социальный феномен, участвовать в подготовке специалистов для органов государственной власти и местного самоуправления, системы образования. Такую миссию выполняет Научно-учебная лаборатория по изучению конфессиональных проблем в составе Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета.

Результаты работы нового научного подразделения позволят дать более взвешенную оценку состояния и динамики конфессиональных отношений, повысить качество экспертных материалов,

оказать существенную помощь органам государственной власти и местного самоуправления при работе с религиозными организациями и деноминациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> [Официальный сайт Московского Патриархата].

² Верим ли мы в Бога? Пресс-выпуск ВЦИОМ №1461 // URL: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/13365.html?no_cache=1&cHash=782b2c1c4e&print=1 [Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения].

³ Отчет по социологическому исследованию «Удмуртия: социально-экономические, межнациональные и региональные проблемы в оценках массового сознания» // Архив министерства национальной политики Удмуртской Республики (всего опрошено 740 человек). Ижевск, 1997. С. 41.

⁴ Этносоциологическое исследование по теме «Этносоциальная и этнокультурная ситуация в Удмуртии» проведено по заказу Министерства национальной политики Удмуртской Республики, опрошено 1200 респондентов. Руководитель исследования – к.и.н., с.н.с. В.С. Воронцов.

⁵ Смельзер Н. Социология. М., 1994. С.481, 482; Верующих в России много, воцерковленных – значительно меньше. Пресс-выпуск ВЦИОМ №1465 // URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13385.html?no_cache=1&cHash=0cdf9548de&print=1 [Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения].

⁶ Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т.9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.; Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 663–669.

⁷ Аверинцев С.С. Послесловие // Христианство. Энциклопедический словарь. Т.3. М., 1995. С. 469.

⁸ Губогло М.Н., Смирнова С.К. Указ. соч. С.655.

Поступила в редакцию 13.05.10

V.S. Vorontsov, candidate of history, associate professor;

S.I. Ilyinsky, candidate of history, senior researcher;

Yu.V. Semenov, candidate of philosophy, associate professor

The transformation of the confessional field in Udmurtia

The article deals with the confessional field of Udmurtia in the post-Soviet period. The role of religious factor in the social and cultural spheres, the stages and typology of religiosity of inhabitants are shown.

Keywords: religion, confessional field, Russian Orthodox Church, Islam, new religious movements, identification.

Воронцов Владимир Степанович, кандидат исторических наук, доцент

ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Ильинский Сергей Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

E-mail: ilinsky@gov.udmnet.ru

Семенов Юрий Валерианович, кандидат философских наук, заведующий лабораторией

ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

E-mail: yursem@yandex.ru